

The image shows two soldiers in full tactical gear, including helmets with night vision and communication equipment, and body armor. They are standing in a snowy, war-torn city with buildings under construction and a damaged vehicle in the background. The scene is set against a bright blue sky with some clouds.

Адам Базарский

Альянс Отверженных

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Адам Базарский

Альянс отверженных

<https://litres.ru/73976704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его звали Квазимодо. Шестьдесят пять лет горба и ненависти к собственному отражению.

Вирус Нексус сжег старый мир. Корпорация «Небула» обещает новое тело — взамен старого, больного, сгнившего заживо. Дэвид Кросс подписывает контракт кровавыми чернилами: он становится собственностью корпорации, идеальным солдатом, машиной для убийства мутантов.

Два метра роста. Стальные мышцы. Регенерация

Но когда его роту стирают в латвийском аду, когда враги пытаются его ножом, а свои бросают умирать в снегах — Кросс понимает: свобода — это не победа. Свобода — это возможность остаться. Сидеть на трухлявом бревне, смотреть на закат и знать, что завтра тебе не надо никого убивать.

Он пережил ад. Он полюбил в первый раз за шестьдесят пять лет. И теперь он готов исчезнуть, чтобы стать человеком.

Содержание

Глава 1. Мера вещей	4
Глава 2. Зеркало	17
Глава 3. Перелет	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Адам Базарский

Альянс отверженных

Глава 1. Мера вещей

Запах Дэвид почувствовал раньше чем проснулся.

Он пробивался сквозь липкую дремоту – густой многослойный как слежавшаяся в компосте листва. Вонь лежалого пота прокисшего в складках дряблой кожи отдавала медью и чем-то сладковатым почти фруктовым но с гнильцой. Так пахнет переспелая дыня которую забыли на солнце. Собственное тело источало этот дух и он настолько пропитал подушку простыню воздух комнаты что Дэвид уже не отделял его от себя. Он и был этим запахом. Старый больной никому не нужный кусок плоти что медленно разлагается заживо.

Пробуждение давалось трудно – не как в молодости когда вскакиваешь от звонка будильника а как подъем со дна глубокого колодца. Сознание всплывало рывками: темнота – серость – боль в пояснице – снова темнота. Он лежал не шеве-

лясь чувствуя как под левую лопатку впивается что-то твердое – смятая простыня сбившаяся в жгут. Он не потянулся убрать ее. Тело больше не требовало комфорта оно просто принимало то что есть как принимает холод бетонного пола забившееся в угол животное.

Дэвид Кросс. Шестьдесят пять лет. Двадцать из них он провел в каменном мешке Ее Величества – Пентонвиль потом Уэйкфилд под конец опять Пентонвиль. Сидел за убийство. Не по неосторожности – умышленное. Жена. Любовник. Кухонный нож. Он не любил вспоминать подробности но они сами лезли в голову по ночам когда не спалось. Двадцать лет – срок достаточный чтобы забыть как пахнет свобода. Он и забыл. Свобода пахла пылью застоявшимся воздухом старой мебелью и грязным телом – точно так же как камера.

Его выпустили досрочно четыре недели назад. Не из милосердия – из прагматизма. Сахарный диабет второго типа осложненный: нейропатия начальная ретинопатия трофические изменения на стопах. Тюремный врач пожилой пакистанец с усталыми глазами и вечно дрожащими руками развел руками: «Кросс вы нам тут не нужны. У нас нет ресурсов лечить вас когда кругом творится... это». Он не договорил. Дэвид и сам понял. В тюремном лазарете мест не хватало даже для тех у кого начинался кашель с кровью а он –

просто старый диабетик балласт. Его списали как списывают отработанный материал. Подписали бумаги выдали рюкзак с вещами рецепты на инсулин и таблетки и вытолкнули за ворота – в мир который к тому моменту уже был поражен Нексусом.

Нексус. Слово которое он впервые услышал по тюремному радио два года назад. Тогда еще не понимал насколько это серьезно. Вирус номер один – долгий тихий почти безобидный на первый взгляд. Инкубация до десяти лет. Никаких симптомов. Никакого иммунного ответа – организм просто не распознавал его и стандартные тесты ничего не показывали. Только генетический анализ сложный и дорогой мог выявить встроившиеся в ДНК цепочки.

Животные и птицы при этом оставались неуязвимы для вируса – они могли быть носителями переносчиками заразы на лапах и в слюне но сами не болели.

Дэвид открыл глаза и уставился в потолок. Тот был в трещинах – тонких извилистых как русла пересохших рек на карте. Он помнил этот потолок. Квартира принадлежала его покойной матери здесь он вырос сюда его выпустили потому что идти больше было некуда. Квартира на двадцать пятом этаже старая запущенная с запахом плесени из вентиляции. Он не открывал окна – боялся что снаружи залетит что-то

что убьет его раньше чем диабет или рак. Глупо но страх был иррациональным липким как пропитавшая простыню испарина.

Комната плыла перед глазами. Зрение падало – ретинопатия сказал врач. Сосуды в сетчатке лопались и изображение то расплывалось то покрывалось темными пятнами похожими на кляксы. Дэвид моргнул и мир на секунду стал четче. В углу на столике лежали блистеры с таблетками и флакон инсулина. Запас кончался. Чтобы получить новый рецепт нужно было тащиться в медицинский центр торчать в очереди рисковать а он не мог заставить себя выйти. Он вышел только раз когда прибыл – спустился в распределительный пункт на первом этаже получил паек по карточке увидел толпу в массах услышал сухой кашель за спиной и больше не выходил. Страх перед Нексусом перевешивал страх перед диабетической комой. Или может ему было уже все равно. Двадцать лет тюрьмы вытравили способность бояться по-настоящему.

Он проковылял на кухню. Гора невымытых тарелок в раковине покрылась сизой пленкой: колонии грибков которым не было дела до вируса карантина и мутантов. Они просто жили. Дэвид позавидовал им. Он открыл холодильник – свет мигнул но загорелся (солнечные панели все еще работали). Внутри: банка консервированной фасоли полбуханки засохшего хлеба упаковка сосисок с истекшим сроком (он не про-

верял на сколько). Никаких овощей. В морозилке – пусто. Льда нет только иней на стенках похожий на белую плесень.

Он достал сосиски открыл упаковку понюхал. Кислова-то. Сойдет. Отрезал кусок хлеба – нож тупой хлеб крошился и он резал медленно придерживая буханку дрожащей рукой. Положил сверху сосиску. Хлеб царапал десны размокал в слюне до клейкой массы. Он жевал медленно механически не чувствуя вкуса. Еда была просто топливом которое нужно запихнуть в топку. Потом вскрыл фасоль выскреб пальцами. Холодная скользкая в густом оранжевом соусе что потек по запястью. Он облизал пальцы потом запястье. Желудок принял еду с облегчением но одновременно и с протестом – диабет требовал режима а он ел когда придется.

После еды накатила апатия тяжелая свинцовая. Он сидел на табурете глядя на засохшую каплю соуса на столешнице и думал о том как мало теперь нужно человеку чтобы продолжать существовать. Вода еда тепло. Все остальное – мишура. Общение карьера развлечения – все исчезло и остался голый базовый функционал. Дыши. Ешь. Спи. Испражняйся. Он больше не был социальным существом. Он был биологическим автоматом у которого кончились цели.

Он думал о том что где-то там за пределами его квартиры все еще живут люди. Ходят на работу – те у кого есть рабо-

та. Разговаривают друг с другом – через маски на дистанции но все же. Смотрят телевизор читают книги готовят еду моются. Они еще помнят как выглядит нормальная жизнь. А он – он забыл. Забыл как пахнет свежесваренный кофе как звучит смех в баре как шуршат страницы новой газеты. Все это осталось в прошлом которое больше не существовало.

Лондон который он помнил смутно – шумный суетливый – теперь лежал перед ним как застывшая фотография. Улицы пусты. Машины брошены вдоль обочин – некоторые сгоревшие почерневшие от копоти другие просто открытые с вытекшим бензином и в салонах скопилась пыль и палая листва. Ветер гонял по асфальту обрывки плакатов – один с лицом улыбающегося политика застрял на фонарном столбе и трепыхался как пойманная птица. Голуби сидели на карнизе соседнего дома – единственные существа которым казалось было плевать на карантин. Они ворковали дрались из-за крошек гадили на подоконники. Дэвид завидовал им.

Из громкоговорителей развешанных на столбах лился записанный женский голос. «...Внимание. Действует режим чрезвычайного положения. Сохраняйте дистанцию не менее двух метров. Не прикасайтесь к необработанным поверхностям. Используйте средства индивидуальной защиты. При обнаружении признаков заражения немедленно сообщите в ближайший медицинский пост или военному патрулю. Не

пытайтесь помочь зараженным самостоятельно...»

Голос умолкал на пару секунд и в этой паузе слышался только ветер и далекий стрекот дронов. Иногда Дэвиду казалось что он слышит в паузе чье-то дыхание – но это конечно была просто игра воображения. Или ветер. Потом запись начиналась снова. По кругу. Бесконечно. Каждые три минуты. Тысячу раз в день. Десятки тысяч раз за полгода. Один и тот же голос одни и те же слова одна и та же интонация. Сначала это раздражало потом стало фоном потом – частью самого Дэвида как его запах или его шрамы.

Он отошел от окна. Запись больше не вызывала тревоги – только глухое фоновое раздражение как от комариного писка. Он прошел на кухню попил воды из-под крана – вода была теплой с хлорным привкусом но он не заметил. Потом вернулся в комнату и включил телевизор. Говорящая голова – мужчина в безупречном костюме при галстуке с аккуратной стрижкой и пепельными висками. Он сидел в студии и за его спиной мелькали кадры: горящие города очереди к полевым госпиталям солдаты в защитных костюмах карта мира с красными зонами что расплзались как раковая опухоль.

Кадры сменились. Теперь на экране спорили двое – вирусолог и представитель оппозиции. Вирусолог седой с темными кругами под глазами говорил быстро сбивчиво разма-

живая графиками которые он держал на картонках. Его голос срывался он явно не спал – рубашка помята воротник расстегнут. Оппозиционер перебивал его что-то про «провал политики карантина» и «непрозрачность распределения вакцины». У него было сытое холеное лицо и он не выглядел испуганным – скорее раздраженным. Под картинкой бегущей строкой шли цифры: «3 247 891 подтвержденных случаев в СК. 178 203 летальных исхода. 34% населения привито». Дэвид не вслушивался. Слова больше не имели значения. Они были как шум дождя – фон белый шум заполняющий пустоту.

Он переключил канал. Развлекательное шоу. Яркая студия декорации изображающие уютную гостиную с камином – камин конечно ненастоящий просто экран с анимацией огня. Ведущая – женщина средних лет в блузке пастельного тона с застывшей улыбкой – демонстрировала как правильно надевать защитный комбинезон. Ее движения были плавными отрпетированными – ни одного лишнего жеста. Говорила она звонко бодро словно рассказывала о новом рецепте печенья.

Только гул дронов за окном и далекий еле слышный плач ребенка из соседней квартиры. Ребенок плакал каждый день примерно в одно и то же время – видимо когда мать уходила за едой или просто не могла его успокоить. Дэвид не знал

кто живет за стеной. Он никогда не интересовался соседями а теперь было поздно. Может молодая пара. Может беженцы которых расселили в пустующие квартиры. Может кто-то такой же одинокий как он сам.

Он сидел на диване глядя в стену. Обои в цветочек – их клеила еще мать когда была жива. Теперь они отклеились по швам обнажив серый гипсокартон. Желтые ромашки на бледно-голубом фоне выцвели и их почти не было видно. Он помнил тот день когда мать клеила их стоя на стремянке ругаясь на пузыри под бумагой. Она была в старом халате в волосах запутался клочок обойного клея. Он Дэвид тогда держал стремянку. Ему было тринадцать. «Ровно?» – спрашивала она. «Ровно» – врал он. Потом они пили чай.

На стене висела фотография – он сам выпускной класс чужие лица. Снимок был яркий цветной но краски уже выцвели и лица казались бледными размытыми. Он стоял в заднем ряду улыбаясь. Улыбка выглядела фальшивой даже тогда. Он не помнил их имен. Том кажется – коротышка слева с дурацким галстуком. Или нет. Сара – девушка с темными кудрями которая нравилась ему весь последний год но которой он так и не сказал ни слова.

Он подумал: а что если бы он тогда на выпускном подошел к Саре и сказал хоть что-то? Хоть пару слов? Что бы

изменилось? Они бы поженились? Завели детей? Жили бы в домике у моря как в дурацких фильмах что крутят по воскресеньям на канале ВВС Two? Но реальность была неудобной липкой: он не подошел. Он просто стоял в углу зала держа в руке пластиковый стакан с пуншем и смотрел как она танцует с другим. Пунш был теплым и приторным. А теперь ее нет и некому даже спросить: «Помнишь тот вечер?».

Интернет работал с перебоями – в основном официальные каналы экстренные сообщения правительственные брифинги. Соцсети были забиты тем же чем и телевизор: паникой слухами молитвами проклятиями. Люди писали прощальные посты выкладывали фото своих питомцев спрашивали не видел ли кто их родственников в эвакуационных лагерях. Иногда кто-то выкладывал видео – как солдаты выводят семью из дома как горят бараки с зараженными на окраине города. Эти видео быстро удаляли но они появлялись снова как сорняки. Дэвид перестал их смотреть. Каждый раз когда он прокручивал ленту в груди поднималась тошнота – не от увиденного а от собственного бессилия. Ты сидишь в своей квартире в тепле с запасом еды и смотришь как другие умирают. И ничего не делаешь.

Он вспомнил как в тюрьме один молодой зек спросил его: «Кросс а ты вообще когда-нибудь был счастлив?» Он тогда долго думал. Потом ответил: «Нет. Но я и не ждал». Это бы-

ло правдой. Он никогда не ждал от жизни ничего хорошего. И жизнь его не разочаровала.

Дэвид не выходил на улицу уже четыре недели. Последний раз он спускался за продуктами – стоял в очереди три часа вдыхая запах дезинфекции глядя как люди в масках переминаются с ноги на ногу стараясь не смотреть друг на друга. Дистанция – два метра. На асфальте были нанесены белые круги на которые нужно было вставать как в какой-то жуткой игре. Люди двигались не разговаривая только шарканье ног и кашель. Кашель был самым страшным звуком – когда кто-то закашлялся очередь инстинктивно подавалась назад как единый организм и на лицах скрытых масками появлялось выражение животного ужаса. Еду выдавали бесплатно – ящики с консервами хлеб воду даже сладости. Власти делали все чтобы удержать людей по домам. Работало. Большинство сидело. Некоторые – как Дэвид – просто перестали существовать для внешнего мира.

Лондон держался. Соединенное Королевство вообще держалось лучше многих – островное положение жесткие карантинные меры дисциплина населения. Власти делали все возможное: раздавали еду обеспечивали связь поддерживали инфраструктуру. Армия патрулировала улицы врачи работали на износ волонтеры развозили лекарства. Система скрипела трещала по швам но функционировала.

Он вспомнил свой последний день в тюрьме. Серое небо над внутренним двором Пентонвиля запах мокрого асфальта и хлорки. Охранник – молодой с прыщавым лицом и равнодушным взглядом – протянул ему бумаги на подпись. «Распишитесь Кросс. И можете идти». Дэвид расписался. Вышел за ворота и они захлопнулись за ним с глухим металлическим лязгом – звук который он слышал сотни раз но теперь этот звук означал не запираение а освобождение. Только он не чувствовал себя свободным.

И вдруг сквозь эту пелену безразличия пробила мысль – острая неожиданная: а что если он уже заражен? Что если Нексус-1 уже сидит в нем встроившись в ДНК и медленно тихо без симптомов ведет свою работу? Ему шестьдесят пять. Диабет ослабил организм. Если вирус там он может проявиться раньше чем у других. Не через пятнадцать лет – через пять. Или через год. Или уже завтра.

Он прислушался к своему телу. Сердце билось неровно – обычное дело. В боку тянуло – старая травма полученная в тюремной драке. Суставы ныли – возраст. Он не чувствовал ничего необычного. Он вспомнил как в тюрьме один из охранников рассказывал про «бешеных» – тех кого привозили из карантинных зон. «Они не люди уже – говорил он затягиваясь сигаретой. – Сидят в камере смотрят в стену а потом

раз – и начинают выть. Или смеяться. Или биться головой об решетку пока не размозжат череп. А некоторые просто лежат и пускают слюни. Мозгов нет одни инстинкты». Охранник сплевывал тушил сигарету и уходил а Дэвид оставался сидеть и думать: не ждет ли его та же участь?

Эта мысль должна была бы ужаснуть его. Но не ужаснула. Он слишком устал для страха. Двадцать лет в тюрьме смерть матери предательство жены потеря сына – все это накопилось как шлак в печи и теперь просто лежало внутри не давая ни боли ни тепла. Он был пуст. И в этой пустоте страх не жил.

Он перевернулся на бок лицом к спинке дивана. Обивка пахла старой тканью и пылью. Он закрыл глаза. Сейчас он уснет. А завтра проснется и все начнется заново. Запах. Свет. Гул. Плач ребенка за стеной. Голос из громкоговорителя. Консервная фасоль на завтрак.

Бесконечность. Запертая в двадцати квадратных метрах.

Глава 2. Зеркало

Он не планировал разглядывать себя. Просто зашел в ванную по нужде – мочевого пузыря напомнил о себе тупой ноющей болью внизу живота и он кряхтя поднялся с продавленного дивана. Прошаркал босыми ногами по холодному линолеуму коридора чувствуя как подошвы прилипают к чему-то липкому. Дверь в ванную скрипнула – петли рассохлись и звук был такой будто кто-то провел ногтем по стеклу.

Он справил нужду стоя держась одной рукой за стену чтобы не пошатнуться. Струя была слабой прерывистой – простатит еще один подарок возраста и тюремной сырости. Он смыл (вода еще была хоть и текла тонкой струйкой) зевнул и уже собрался уйти обратно в полумрак квартиры когда рука сама потянулась к выключателю. Зачем – он не знал. Может просто чтобы увидеть свет. А может чтобы проверить: жив ли он еще? Существует ли? Или уже превратился в призрака который не отражается в зеркалах?

И замер.

То что он увидел заставило его издать звук – не смех не вздох а что-то среднее. Горький сухой выдох похожий на ка-

шель курильщика. Он стоял и смотрел на себя – полностью одетого в застиранной футболке с протертыми швами и растянутых штанах что висели мешком на исхудавших бедрах. И вдруг ему захотелось увидеть все. Без прикрас. Без этой грязной одежды что хоть как-то скрывала правду.

Он разделся.

Медленно потому что каждое движение давалось с трудом. Артрит в плечах нейропатия в пальцах – они не сжимались до конца и он долго возился с пуговицей на поясе матерясь сквозь зубы. Стянул через голову футболку. Ткань прилипла к телу он потел несмотря на прохладу в квартире и когда футболка оторвалась от кожи в нос ударил запах.

Собственное тело источало этот дух и Дэвид поморщился. Он бросил футболку на пол и она легла на кафель бесформенной кучей.

Расстегнул штаны. Они были велики ему – за полгода карантина он потерял в весе сам не заметив как. Мышцы атрофировались жир исчез осталась только дряблая кожа обтягивающая кости. Штаны сползли вниз сами едва он отпустил пояс. Он перешагнул через них и остался в одних трусах – серых застиранных с прорехой на резинке. Секунду помедлил. Потом стянул и их.

– Ну ты и урод Дэвид.

Голос прозвучал глухо безэмоционально как констатация факта. Без жалости к себе. Без злости. Просто – факт. Так констатируют погоду за окном или показания счетчика. «Урод». Слово которое он слышал всю жизнь и которое теперь глядя на себя он мог только подтвердить.

Он перебирал в памяти все ярлыки все насмешки все прозвища которые к нему прилипали за шестьдесят пять лет. В школе: «Скелет» «Жираф» «Червяк». В юности: «Моль» «Зануда» «Тихоня». На работе: «Квазимодо» – это прозвище приклеилось особенно прочно. Его дал один из механиков мужик с грязным ртом и вечной сигаретой в зубах когда увидел Дэвида согнувшегося над мотором. «Гляньте Квазимодо наш молится» – заржал он и все подхватили. С тех пор иначе не называли. Даже когда он стал бригадиром смены – все равно «Квазимодо». За глаза конечно. В глаза вообще редко кто говорил – его сторонились.

И все эти слова были правдой. Что получится если сложить вместе узкие плечи впалую грудь широкий таз кривые ноги и длинную шею? Получится он. Дэвид Кросс.

Он начал осматривать себя – медленно методично как па-

тологоанатом осматривает труп. Сверху вниз.

Плечи. Узкие покатые словно их сдавили тисками еще в утробе. Ключицы выпирали как у голодающего хотя он не голодал – просто такая конституция. Мышц на плечах почти не было: даже в молодости когда он еще пытался заниматься физкультурой плечи оставались неизменными – узкими слабыми неспособными удержать тяжесть. Теперь в старости они еще больше усохли и обвисли как пустые рукава пальто брошенного на вешалку.

Грудная клетка. Впалая с выпирающей грудиной похожей на киль худой курицы. Ребра проступали сквозь кожу и между ними темнели впадины. Кожа на груди была бледной почти прозрачной с редкими седыми волосками и пигментными пятнами – старческими коричневатыми похожими на разводы от кофе. Он мог сосчитать каждое ребро и это зрелище не вызывало ничего кроме безразличности.

Шея. Длинная тонкая с крупным кадыком который дергался при глотании как поплавок на воде. Морщины на шее – глубокие кольцевые как у черепахи. В тюрьме один из сокамерников пьяный после самогонной браги сказал: «Кросс у тебя шея как у индюка. Только индюк красивый а ты – нет». Он не обиделся. Это было смешно. И правдиво.

Он повернулся в профиль. Теперь сутулость стала особенно заметна. Спина колесом позвоночник изогнут будто он всю жизнь кланялся невидимому хозяину. Кифоз – кажется так это называется. В детстве мать водила его к врачу и тот старый ортопед с холодными руками сказал: «Ничего страшного но осанку нужно исправлять». Не исправили. С годами сутулость только усилилась и теперь он напоминал вопросительный знак – сгорбленный скрученный будто сама жизнь пригнула его к земле.

Живот выпирал несмотря на общую худобу. Какой-то нелепый мягкий живот не твердый пивной а дряблый словно мешок с водой. После тюремной баланды состоявшей из картошки и хлеба живот вырос а мышцы пресса которых и так не было исчезли окончательно. Теперь это был просто студенистый ком колыхавшийся при каждом шаге. Он потрогал его рукой – кожа была холодной рыхлой с полосками растяжек.

Таз. Широкий почти женский. Из-за него фигура казалась еще более карикатурной: узкий верх широкий низ. Когда он шел таз раскачивался и со стороны это выглядело нелепо – мужик с походкой утки. Он ненавидел свой таз. Ненавидел с подросткового возраста когда мальчишки в раздевалке ржали над ним. С тех пор он старался не раздеваться при людях.

Ноги. Отдельная тема. Кривые колесом с вывернутыми

внутри коленями – так называемая «варусная деформация». В детстве ему говорили что это пройдет. Не прошло. Колени терлись друг о друга при ходьбе и походка была шаркающей неуклюжей. Бедра – тонкие как у цапли с дряблой кожей что свисала складками. Икры почти отсутствовали – просто кости обтянутые кожей.

Он снова посмотрел в лицо. Лицо было вытянутое с глубокими носогубными складками что тянулись от крыльев носа к уголкам рта как русла высохших рек. Глаза – бледные почти прозрачные с желтоватыми белками и красными прожилками. Навыкате – такая особенность строения глазниц из-за которой взгляд всегда казался удивленным или испуганным. Под глазами – мешки темные набрякшие как у человека который не спал неделю. Брови – редкие седые почти невидимые. Нос – крупный с горбинкой но какой-то бесформенный словно вылепленный из глины и забытый. Рот – тонкогубый с опущенными уголками что придавало лицу выражение вечной брезгливости хотя он ее не испытывал. Подбородок – скошенный почти отсутствующий сразу переходящий в шею так что профиль напоминал полумесяц.

Волосы на голове – седые редкие сальные прилипшие к черепу. Кожа головы просвечивала сквозь них и на макушке уже образовалась проплешина которую он не замечал раньше. Уши – большие оттопыренные с волосками торчащими

из ушных раковин.

Он стоял и смотрел. Потом перевел взгляд на шрамы. Их было три и он знал каждый.

Первый – на левом предплечье. Длинный тонкий белесый. Производственная травма на старом грузовике: сорвавшаяся цепь лебедки хлестнула по руке и разорвала кожу до кости. Ему тогда было двадцать восемь и он истекая кровью сам доехал до больницы. Врач сказал: «Повезло что артерию не задело». Он не чувствовал тогда ни страха ни боли – только досаду что подвел бригаду. Ему наложили швы он вернулся на работу через два дня и больше об этом не вспоминал. Но шрам остался – напоминание о том что он всегда был расходным материалом.

Второй – на правом боку под ребрами. Нож. Тюрьма первые месяцы когда он еще не научился быть незаметным. Один из старожилов здоровенный детина с татуировкой дракона на шее решил проучить «новичка» и загнал ему заточку под ребра в столовой. Заточка была самодельная из обломка ножовки и она вошла глубоко едва не пробив печень. Дэвид тогда не закричал не упал. Он просто повернулся посмотрел на нападавшего своими бледными ничего не выражающими глазами и спросил: «И это все?» Детина опешил. А Дэвида отправили в лазарет где он провел две недели лежа на жест-

кой койке и глядя в потолок. После этого случая его начали уважать. Не любить – уважать. Это было больше чем он когда-либо имел на воле.

Третий – на правом колене. Еще детство. Ему было десять и он неуклюжий и вечно спотыкающийся гонял на велосипеде по двору. Велосипед был старый ржавый с погнутыми педалями. Он засмотрелся на соседскую девочку (та даже не взглянула на него) и врезался в бордюр. Колено разбил до крови и шрам остался на всю жизнь – круглый с неровными краями похожий на оспину. Мать тогда заливалась слезами мазала зеленкой дула на ранку. «Дэви ну как же так ты же покалечишься» – причитала она. А он стиснув зубы молчал. Уже тогда учился терпеть боль.

– Квазимодо – повторил он глядя в зеркало. В этот раз в голосе мелькнуло что-то похожее на усмешку. – Только колокольни у тебя нет. И горба на спине не хватает. Хотя спина и так колесом.

Он не задерживался в зеркале но сейчас почему-то не мог отойти. Стоял как пригвожденный и разглядывал себя – складки кожи родимые пятна (одно на плече похожее на кляксу второе на бедре выпуклое и шершавое) вены проступающие сквозь истонченную кожу. Смотрел и думал: а чего ты ждал? Что после выхода из тюрьмы превратишься в кра-

савца? Что диабет и двадцать лет за решеткой сделают тебя Аполлоном?

Он помнил себя молодым. Тогда все было точно так же. В двадцать лет – те же узкие плечи та же сутулость те же бледные водянистые глаза. Разве что морщин не было и кожа была более упругой. Но суть та же. Он родился некрасивым прожил жизнь некрасивым и умрет некрасивым. Так устроен мир.

Он женился поздно. Ему было тридцать семь ей – сорок. Разведенная три брака за плечами двое детей от разных мужей. Ее звали Ширли. Он познакомился с ней в придорожной столовой куда заезжал во время рейсов. Она работала там кассиршей – стояла за стойкой в заляпанном фартуке с бигуди в волосах и сигаретой за ухом. Она не была красивой. Лицо одутловатое с капиллярной сеткой на щеках (следствие пристрастия к джин-тонику) голос громкий резкий с хрипотцой. Но она заговорила с ним. Первая.

– Ты чего такой молчаливый водила? – спросила она подливая ему кофе.

Он растерялся. За свою жизнь он привык что женщины либо не замечают его либо смотрят с досадой если по какой-то причине вынуждены обратиться. А тут – живой ин-

терес. Или не интерес а просто скука. Но он принял это за интерес.

Она старше его на три года. Три брака и все неудачные. Первый муж бил и бил ее второй оказался мошенником и сбежал с ее сбережениями третий просто исчез однажды оставив записку: «Не ищи». Двое детей – сын от первого брака и дочь от второго оба уже взрослые не поддерживали с матерью связи. Она жила одна в съемной квартире и работала на двух работах. Она была сломленной уставшей циничной но Дэвид видел в ней родственную душу. Или просто боялся одиночества.

Они начали встречаться. Вернее он приходил в столовую когда бывал в городе садился за ее стойку и слушал как она жалуется на жизнь. Она курила одну за одной стряхивая пепел прямо в блюдце и говорила говорила – о начальнике-козле о маленькой зарплате о том как ее не ценят. Он слушал и кивал. Ему нравилось ее слушать. Ему нравилось что она вообще с ним говорит.

Через три месяца она сказала: «Ну что женишься на мне или как?» Это было сказано без романтики – скорее как практическое предложение. Ей нужен был кто-то кто будет приносить зарплату. Ему нужен был кто-то кто будет ждать дома. Он согласился.

Свадьба была скромной – расписались в местном загсе в будний день без гостей и колец. Свидетелями выступили двое случайных прохожих. Она надела старое платье он – единственный костюм что был в его шкафу. Потом пошли в паб выпили по кружке пива. Она закурила выпуская дым сквозь зубы и сказала: «Ну вот Дэвид теперь ты мой муж. Не надейся что я буду готовить тебе ужины и стирать носки. Я не домохозяйка». Он кивнул. Он не надеялся.

Она пила. Это стало ясно в первые же недели совместной жизни. Не то чтобы запойно но регулярно: джин-тоник по вечерам вино за ужином иногда что-то покрепче. К полуночи ее язык заплетался и она начинала кричать. Кричала на все подряд: на правительство на соседей на свою неудавшуюся жизнь на него. Он был удобной мишенью. «Ты думаешь я с тобой живу из-за любви? – орала она размахивая сигаретой так что пепел сыпался на ковер. – Ты посмотри на себя Дэвид! Ты никто! Ты пустое место!» Он терпел. Сжимался в комок молчал ждал пока она устанет и заснет. А утром она просыпалась с головной болью и не помнила что говорила. И он не напоминал.

Курение. Она курила непрерывно и в их доме всегда стоял запах табачного дыма. Он пропитал шторы мебель одежду. Даже когда ее не было дома запах оставался – ввевшийся

вездесущий как часть интерьера. Дэвид не курил никогда но запах табака стал для него запахом дома. Характер у нее был крикливый скандальный но Дэвид научился не реагировать. Он работал водителем: дальние рейсы сутки за рулем усталость гудящие ноги. Он приезжал домой выжатым и хотел только одного – тишины. Но тишины не было. Она встречала его с порога криком: почему опоздал? почему денег мало? почему не купил хлеба? почему почему почему? Он отмалчивался. Ему казалось что это и есть семейная жизнь. Что так живут все. Он считал себя счастливым.

А главное – она родила ему сына. Маленького красного орущего комочка которого положили ему на руки в роддоме. Дэвид держал его и не мог поверить что это его что ЭТО – его. Его собственная плоть и кровь. Его сын. Эдвард. Он назвал его в честь деда которого никогда не видел но о котором много слышал от матери. Он мечтал что Эдвард вырастет сильным красивым уверенным в себе. Что он никогда не будет чувствовать себя изгоем. Что он не станет Квазимодо.

Он пахал на работе с утра до вечера брал сверхурочные копил деньги. Ему хотелось чтобы у сына было все чего не было у него самого: хорошая одежда велосипед образование. Он не замечал что его почти не бывает дома. Не замечал что жена все чаще остается одна. Не замечал что сын растет а он Дэвид пропускает это – первые шаги первые слова первый

смех. Все это прошло мимо него пока он крутил баранку где-то между Манчестером и Глазго.

На четвертом году брака все рухнуло.

Он помнил этот день до мельчайших подробностей как помнят день когда умер близкий человек. Был вторник серый и дождливый. Он работал в две смены чтобы заработать побольше к Рождеству. Грузовик трасса усталость гудящие ноги боль в спине. Он случайно заехал домой днем – нужно было забрать документы на машину которые он забыл утром. Остановился у дома поднялся на крыльцо открыл дверь своим ключом. Внутри было тихо. Слишком тихо. Должен был играть телевизор или радио но стояла тишина. И из этой тишины доносились звуки из спальни.

Он сначала не понял. Просто стоял в коридоре сжимая в руке ключи и слушал. Скрип кровати. Ритмичный быстрый. Стон – женский. Ее стон. Она стонала так как никогда не стонала с ним. Громко протяжно с придыханием. И мужской голос – низкий с хрипотцой: «Давай детка давай».

Он не бросился в спальню. Не закричал. Не заплакал. Он просто пошел на кухню – медленно спокойно как идут за забытой вещью. На кухне было темно за окном моросил дождь. Он подошел к стойке где на деревянной подставке стояли

ножи. Выбрал тот что побольше – кухонный с широким лезвием которым резали мясо. Сжал рукоять. Почувствовал как холод металла передается ладони. И пошел обратно.

Дверь спальни была приоткрыта. Он толкнул ее ногой – она распахнулась и стукнулась о стену. На кровати лежали они. Сосед. Здоровый плечистый мужик с самодовольной ухмылкой которую Дэвид видел и раньше – у ворот когда тот мыл свою машину. Он лежал в их постели на их простынях и трахал его жену. А она – она лежала под ним раскинув ноги и ее лицо выражало наслаждение которого Дэвид никогда на нем не видел.

Они не сразу заметили его. Потом сосед поднял голову ухмылка сползла с его лица сменившись недоумением. «Эй ты...» – начал он. И это было последнее что он сказал. Дэвид шагнул вперед и ударил. Нож вошел в шею – между ключицей и челюстью туда где бьется сонная артерия. Он не целился – просто ударил. Кровь хлынула толчками горячая алая заливая простыни стену его руку. Сосед захрипел схватился за горло попытался встать но рухнул на пол опрокинув тумбочку.

Жена закричала. Пронзительно визгливо как сирена. Она отползла к изголовью кровати прижимая к груди простыню и в ее глазах был ужас. «Дэвид не надо! – верещала она. –

Пожалуйста Дэвид я...» Он не слушал. Он ударил и ее. Раз другой. Нож входил в мягкие ткани с глухим звуком похожим на звук вспарываемой подушки. Он не считал удары. Просто бил пока она не перестала кричать. Потом стоял тяжело дыша и смотрел на то что натворил.

Кровь была повсюду. На стенах на потолке на его одежде. В комнате пахло железом – густой сладковатый запах который невозможно спутать ни с чем. Сосед лежал на полу в луже крови и не двигался. Жена – на кровати скорчившись и тоже не двигалась. Он подумал что убил обоих. Но она выжила.

Сосед умер почти мгновенно – артерия такие вещи не лечатся. Жену откачали в реанимации. Врачи сказали – чудо. Нож чудом не задел сердце и легкие пройдя по касательной. Ей наложили десятки швов перелили кровь и она выкарабкалась. Позже в суде она давала показания – бледная со следами уколов на руках и ее голос дрожал от ненависти. «Он хотел убить меня – повторяла она. – Он хотел убить нас обоих». И не врала. Он хотел.

Сына в тот день дома не было. Эдварда к счастью забрала теща утром – собиралась вести в парк. Он остался жив и не видел того что произошло. Но он узнал. Ему рассказали. Мать его мать – Ширли – постаралась. И бабушка постара-

лась – его мать мать Дэвида та самая маленькая сухонькая старушка которая когда-то целовала его в макушку. После случившегося она написала ему только одно письмо полное боли и ярости: «Ты разрушил жизнь сыну. Я расскажу ему кто ты есть. Ты нам больше не нужен. Не пиши не звони. Исчезни». Он не ответил. Что он мог сказать?

Он не винил ее. Он вообще никого не винил. Даже жену – ту что изменила ему с соседом. Потому что понимал: она была права. Зачем хранить верность такому как он? Он был уродом. Квазимодо. Разве можно ждать от женщины любви если на тебя противно смотреть? Если твое тело вызывает не желание а брезгливость? Если твои прикосновения не возбуждают а заставляют сжиматься? Она терпела его четыре года – этого было достаточно. Он был ей даже благодарен. Она дала ему сына. Хоть что-то.

Но в тот момент когда он увидел их вместе – в их постели на их простынях – благодарность испарилась. Осталась только пустота. И нож в руке. И тихое механическое движение которое он даже не контролировал.

Суд дали скорый. Доказательств – гора свидетелей – достаточно. Умышленное убийство и покушение. Прокурор требовал пожизненного но адвокат – пожилой еврей с грустными глазами которого наняла мать – сумел скостить до два-

дцати лет. «Суд учитывает что подсудимый действовал в состоянии аффекта – зачитал судья. – А также его положительные характеристики с места работы». Дэвид слушал стоя в клетке и не чувствовал ничего. Ни раскаяния ни облегчения ни страха перед будущим. Только пустоту. Глубокую черную пустоту которая поселилась в нем после того дня и не уходила уже никогда.

Сын не написал ни разу. Ни одного письма. Ни одной весточки. Дэвид не обижался. Он понимал: мать настроила мальчика против него и это было правильно. Так было лучше для Эдварда. Зачем ему такой отец? Урод убийца ничтожество. Пусть лучше забудет. Пусть вырастет нормальным человеком без оглядки на прошлое. Дэвид иногда пытался представить каким стал его сын. Высоким? Красивым? Умным? Он не знал. И уже никогда не узнает.

На работе когда все вскрылось реакция была предсказуемой. Механик который когда-то прозвал его Квазимодо процедил: «Знал я что он псих. Но чтобы до такой степени...» Коллеги. Он помнил их всех. Бригада из шести человек все – мужики крепкие простые с руками в машинном масле. Они не уважали его. Никогда не уважали. Он был тихим незаметным странным. Хорошим водителем – это признавали – но не более. В курилку его не звали на дни рождения не приглашали на собраниях его мнения не спрашивали. Он пытался

быть дружелюбным рассказывал анекдоты но анекдоты были старые несмешные и коллеги только морщились. Улыбка у него выходила кривой слова – неуклюжими голос – слишком тихим. Он был не таким как они. Он был изгоем.

Вспыльчивость его боялись. Он мог взорваться из-за мелочи: кто-то неправильно загрузил товар кто-то опоздал на смену. В такие моменты он кричал брызгал слюной размахивал руками и его бледные глаза наливались кровью. Но через минуту гнев угасал так же быстро как и вспыхнул и он стоял тяжело дыша с несчастным лицом будто сам был жертвой. «Извините – бормотал он. – Я не хотел». Его прощали – не из жалости а из нежелания связываться. Он был вспыльчив но безопасен. Или так они думали.

Женщины не любили его. Вообще. Он для них просто не существовал. Он мог стоять в очереди обращаться с вопросом проходить мимо – его не замечали. Как будто он был пустым местом невидимкой. Когда он пытался заговорить с женщиной она отвечала коротко не глядя в глаза и спешила уйти. Однажды еще до женитьбы он набрался смелости и пригласил коллегу-диспетчершу выпить кофе. Она посмотрела на него так будто он предложил ей прыгнуть с моста и ответила: «Извини Дэвид я занята». Потом он увидел ее в столовой с другим – смеющуюся флиртующую. И понял: дело не в занятости. Дело в нем.

Единственной женщиной которая его любила была мать. Маленькая сухонькая с натруженными руками покрытыми шрамами от швейной иглы. Она работала на фабрике с шестнадцати лет таскала на себе двоих детей после смерти мужа никогда не жаловалась. Дэвид был младшим поздним ребенком и она нянчилась с ним как с фарфоровой куклой. «Ты у меня умный Дэви – говорила она поправляя ему воротник рубашки. – Ты еще покажешь им всем. Ты у меня особенный». И он верил ей. Только ей. С ней он чувствовал себя нормальным.

Когда его арестовали он успел передать ей короткую записку: «Прости». Она не пришла на суд – болела. Через месяц после приговора ему сообщили: мать умерла. Сердце не выдержало. Он не плакал. Просто сел на нары в своей камере и просидел так несколько часов глядя в стену. Потом лег и заснул. Сны были пустые.

Первые месяцы в тюрьме были адом. Он не был готов. Камера – тесная душная с запахом пота параша и дезинфекции. Гул голосов за дверью – постоянный как шум моря но вместо волн там были мат угрозы смех крики. Чужие взгляды – оценивающие холодные как щупальца. Все это давило сжимало не давало дышать. Он струхнул. Съежился в комок старался быть незаметным но заметили сразу. Квазимодо в тюрьме –

это подарок. Слабое звено на котором можно показать силу.

Его попытались опустить на первой же неделе. Здоровенный уголовник с наколками на пальцах и гнилыми зубами зажал его в углу душевой и дохнув в лицо вонючим дыханием процедил: «Будешь петушком моим личным и тебя никто не тронет». Он схватил Дэвида за волосы и потянул вниз на колени. И тогда Дэвид – тихий сутулый нелепый Дэвид – не стал ждать пока его сломают. Он укусил. Просто вцепился зубами в протянутую руку и рванул. Зубы сомкнулись на мизинце – он почувствовал как хрустнула кость как кожа лопнула под резцами как горячая соленая кровь плеснула в рот он жевал пока палец не оторвался несмотря на удары по голове и выплюнул его на кафельный пол и тот шлепнулся с влажным звуком. Уголовник заорал – дико пронзительно как раненое животное. Остальные отшатнулись.

Дэвид стоял прижавшись спиной к холодной кафельной стене и смотрел на них. Кровь текла по его подбородку капала на голую грудь. Глаза – бледные ничего не выражающие – обвели присутствующих и ни один не выдержал его взгляда. В этот момент он понял: у него нет силы нет веса нет авторитета. Но у него есть зубы. И готовность идти до конца. И это – оружие. Слабого но оружие.

Потом его пытались скрючить – заломать в драке наказать

за строптивость. Он отбивался: кусался царапался бил головой в лицо пинал по голням. Он дрался грязно без правил как животное загнанное в угол. И однажды когда один известный на всю тюрьму детоубийца – мерзкий тип с мягкими руками и сладким голосом – попытался его унижить во время прогулки Дэвид вцепился ему в нос и откусил его. Хрящ хрустнул кровь залила лицо обоих. Кусок носа так и не нашли – то ли Дэвид проглотил его то ли упал в грязь и был растоптан. После этого случая его оставили в покое. Более того – начали уважать. Негласно не произнося вслух но признали: Квазимодо – опасный и лучше с ним не связываться.

Он примкнул к банде не ради власти и не ради защиты – просто в тюрьме одиночки не выживают. Банда была небольшая человек десять промышляли контрабандой сигарет и самогона. Его взяли «шестеркой» – на побегушках. Но Дэвид недолго был на нижней ступени. Он начал читать. В тюремной библиотеке пыльной и запущенной он нашел книги – старые с пожелтевшими страницами и вырванными обложками. Детективы романы учебники юриспруденции философские трактаты. Он читал запоем по ночам при свете тусклой лампочки пока остальные спали. Словарный запас рос мысли становились яснее. Он научился говорить четко без мата взвешенно – и это неожиданно оказалось силой. Когда он открывал рот остальные замолкали. Не потому что боялись – потому что привыкли слышать.

Со временем к нему начали приходить за советом. Сначала молодые потом старые. «Кросс что думаешь по такому делу?» – спросили они. И он думал. Анализировал. Раскладывал по полочкам. Его советы были дельными и вскоре он стал кем-то вроде неофициального консультанта. Не авторитетом в классическом понимании – для этого у него не было ни мышц ни связей – но человеком к чьему мнению прислушиваются. В тюремной иерархии это было немало.

Годы шли. Он научился выживать. Тело слабело но дух креп. Он больше не боялся ни одиночек ни толпы. Он боялся только одного – что его сын вырастет и станет таким же как он. Или наоборот узнает кто его отец и возненавидит его еще больше. Или что хуже всего вообще не будет думать о нем как о пустом месте. Как о мертвом.

И вот теперь он стоял голый перед зеркалом в квартире своей матери смотрел на свое отражение и думал: вот он король Пентонвиля и Уэйкфилда. Маленький дряблый человек с кривыми ногами и впалой грудью. С рубцами от драк. С желтоватыми белками глаз. С остатками того самого пса который умел кусаться. Только теперь зубы стали крошиться от диабета и десны кровоточили когда он чистил их (он не чистил). Он постарел. Ослаб. Скоро совсем ослепнет от ретинопатии. Скоро начнутся незаживающие язвы. Скоро ин-

сулин кончится и что тогда? Диабетическая кома? Или Нексус тихо дремавший где-то в глубине его ДНК проснется и запустит механизм рака?

Он опустил взгляд ниже. На член. Маленький сморщенный с возрастом ставший еще меньше – словно усох. Кожа на мошонке обвисла сморщилась и все это выглядело жалко и нелепо. Он вдруг вспомнил жену ее насмешки в постели. Вспомнил как она в первые месяцы брака еще пыталась изображать страсть а потом перестала и просто лежала глядя в потолок пока он неуклюже ерзал на ней. «И это все?» – спросила она однажды когда он тяжело дыша откатился в сторону. Он ничего не ответил. Просто закрыл глаза и сделал вид что спит. А через минуту услышал как она встает закуливает и уходит на кухню. И в ту ночь он впервые подумал что возможно она не с ним.

– Конечно она тебе изменила Дэвид – прошептал он глядя в зеркало. – Чего еще было ждать?

Он стоял еще минуту. Потом наклонился подобрал с пола футболку встряхнул. Ткань была влажной теплой от тела и запах пота снова ударил в нос. Он натянул ее через голову. Затем штаны. Оделся. Движения были медленными автоматическими – тело выполняло привычный ритуал а мыслями он был далеко.

Он вспомнил как в тюрьме один молодой зек попавшийся на краже спросил его: «Кросс а ты вообще когда-нибудь был счастлив?» Он тогда долго думал. Потом ответил: «Нет. Но я и не ждал». Это было правдой. Он никогда не ждал от жизни ничего хорошего. И жизнь его не разочаровала.

Он снова глянул в зеркало – но уже не на лицо а в глубину собственных глаз. Глаза были выцветшие усталые с лопнувшими капиллярами и желтоватыми белками. Но где-то там на самом дне еще теплилась крошечная искра – не надежда нет. Скорее память о том что однажды он уже выжил в аду где другие ломались. И что бы ни случилось дальше – диабет рак бешенство второй стадии мутация – он встретит это так же как встречал все: молча стиснув зубы не прося пощады.

Глава 3. Перелет

Он собрался за час.

Вещей было мало. Рюкзак выданный при освобождении – черный синтетический с логотипом тюремной службы который он так и не срезал. Смена белья – две пары трусов две пары носков застиранная футболка. Таблетки. Инсулин в термопенале – последние ампулы остаток рецепта. Глюкометр. Зарядное устройство для телефона который он так ни разу и не включил. Банка фасоли которую он решил взять с собой хотя не знал пригодится ли. Паспорт – старый потрепанный с фотографией двадцатилетней давности где он выглядел почти так же как сейчас только морщин меньше. Документы об освобождении. Направление из больницы. И все.

Он оделся в лучшее что нашел: чистые джинсы (неглаженные но без пятен) рубашку с длинным рукавом (серая в мелкую клетку слегка великовата) старую куртку что висела в шкафу еще с материнских времен. Куртка была теплой с синтетическим мехом на воротнике и пахла нафталином и пылью. Он застегнул ее до горла хотя на улице было не холодно – просто привычка. В тюрьме всегда было холодно.

Он постоял у двери оглядывая квартиру. Солнце уже поднялось и заливало комнату серым светом в котором клубилась пыль. Диван с продавленным сиденьем. Стол с остатками еды. Обои в цветочек. Фотография выпускного класса на стене. Он не взял ее – некуда. Да и зачем? Он не помнил их лиц. Он вообще мало что помнил из той жизни.

– Прощай – сказал он вслух обращаясь к пустой комнате. Голос прозвучал глухо неуверенно попрощаться с квартирой где прошло его детство казалось правильным.

Он вышел в коридор закрыл дверь на ключ. Ключ сунул в карман – машинально хотя знал что больше не вернется. Лифт не работал – он и не ждал. Пошел пешком по лестнице держась за перила считая ступеньки. Двадцать пять этажей вниз. На площадке между двенадцатым и одиннадцатым этажами стоял запах мочи – кто-то использовал угол как туалет. На седьмом – гора мусорных пакетов которую никто не выносил уже несколько недель. Пахло гнилью и крысами. Дэвид обошел ее прижимаясь к стене.

На первом этаже в вестибюле было пусто. Только охранник – пожилой мужчина в маске сидевший за пластиковым щитом и читавший газету. Он поднял глаза на Дэвида кивнул и снова уткнулся в чтение. Дэвид вышел на улицу.

Свежий воздух ударил в лицо и он замер на пороге шурясь от яркого света. За четыре недели добровольного заточения он отвык от открытого пространства. Небо над головой казалось огромным давящим хотя было затянуто облаками. Ветер гонял по асфальту обрывки бумаги и сухую листву. Пахло гарью – где-то вдалеке наверное жгли зараженные вещи. Или дома. Или трупы.

Он достал смартфон – старенький с треснувшим экраном который ему выдали вместе с направлением. На экране горела точка – остановка автобуса следующего в аэропорт. Дэвид не умел пользоваться приложением но эта модель была простой: только карта и стрелка. Он пошел по стрелке.

Улицы были пусты. Редкие прохожие в масках спешили мимо не глядя друг на друга. Военный патруль на углу – двое солдат в защитных костюмах с автоматами наизготовку. Они остановили Дэвида проверили документы. Один долго всматривался в направление из больницы потом кивнул: «Проходи». Дэвид пошел дальше.

Остановка нашлась через пятнадцать минут – ржавый навес на столбе скамейка с облупившейся краской. Он сел. Рядом никого. Ветер раскачивал оборванный провод над головой и тот тихо поскрипывал. Дэвид сидел положив рюкзак на колени и смотрел на пустую дорогу.

Автобус подошел через сорок минут. Старый дизельный с заляпанными окнами и вмятиной на боку. Двери открылись с шипением и Дэвид поднялся в салон. Внутри пахло соляной дезинфекцией и застарелым потом. Пассажиров было мало: несколько человек в масках сидели порознь соблюдая дистанцию. Водитель – хмурый мужчина с седыми усами – молча кивнул Дэвиду и тронулся не дожидаясь пока тот сядет.

Дэвид прошел в конец салона сел у окна. Автобус трясся на выбоинах дребезжал стеклами. За окном проплывал Лондон – серый пыльный израненный. Целые кварталы стояли заколоченными. На перекрестках – блокпосты бетонные заграждения пулеметные гнезда. На одном из зданий висел огромный плакат: «БРИТАНИЯ ВЫСТОИТ. СОХРАНЯЙТЕ ДИСТАНЦИЮ». Краска на плакате облупилась и буквы «ВЫСТОИТ» были едва различимы.

Он смотрел и думал о том что в этом городе прошла вся его жизнь. Здесь он родился вырос работал убил сидел. Здесь умерла его мать. Здесь его сын уже взрослый мужчина живет где-то не зная и не желая знать об отце. Город был свидетелем всего – и теперь умирал сам.

Автобус выехал на магистраль ведущую к аэропорту Хит-

роу. Дорога была почти пустой – только военные грузовики и редкие гражданские машины с пропусками. За окнами потянулись пригороды: пустые промзоны склады с выбитыми стеклами заколоченные магазины. Небо над горизонтом было серым с желтым отливом – где-то горел завод.

В голове Дэвида крутились мысли – рваные несвязные. Он вспоминал больницу куда его направили через неделю после освобождения. Стандартная процедура для досрочно освобожденных: медосмотр анализы беседа с социальным работником. Социальный работник – молодая женщина с уставлыми глазами и фамилией Патель на бейдже – спросила его есть ли у него планы. Он честно ответил: нет. Она кивнула и сказала: «Есть программа. Корпорация "Небула" набирает добровольцев. Оплата высокая контракт пожизненный. Правда условия... необычные». И протянула ему брошюру.

Брошюра была глянцевой с фотографиями: синее небо зеленые холмы современные здания люди в белых халатах улыбающиеся лица. «NEBULA CORPORATION. Будущее начинается сегодня». Внутри – текст написанный мелким шрифтом который он не стал читать. Он просто спросил: «Берут всех?» – «Почти» – ответила Патель. И он согласился. Не потому что верил в будущее или хотел денег. Просто ему было все равно.

Теперь сидя в автобусе он думал о том что ждет его впереди. «Небула». Он слышал о ней краем уха еще в тюрьме – огромная корпорация которая занималась биотехнологиями вакцинами оружием. О ней говорили с почтением и страхом. Одни считали ее спасителем человечества другие – безжалостной машиной которая использует людей как расходный материал. Дэвид не знал кому верить. Ему было все равно.

Аэропорт встретил его тишиной. Огромное здание терминала когда-то полное людей теперь было почти пустым. Работали только несколько стоек и возле них стояли очереди – небольшие человек по двадцать в основном такие же как он: пожилые больные бедно одетые. Люди с направлением из больниц. Люди без будущего. Дэвид встал в очередь и стал ждать.

Очередь двигалась медленно. За стойкой сидела женщина в форменном костюме и маске проверяла документы что-то отмечала в компьютере. Дэвид ждал. Он умел ждать – двадцать лет тюрьмы научили его этому лучше чем что-либо еще. Когда подошла его очередь он молча протянул паспорт и направление. Женщина долго всматривалась в экран потом кивнула: «Пройдите в сектор "С". Дезинфекция потом посадка».

Сектор «С» оказался длинным коридором с кабинками

для санитарной обработки. Дэвида встретил человек в полном защитном костюме – белый комбинезон маска с фильтрами перчатки. Он указал на кабинку. Дэвид вошел.

Внутри было тесно – пластиковые стены лампа под потолком решетка в полу. Когда дверь закрылась из форсунок ударил мелкодисперсный туман – холодный пахнувший хлоркой и чем-то химическим от чего защипало в носу. Дэвид стоял раскинув руки как было велено и ждал пока туман осядет на его одежде коже волосах. Потом включился сушильный режим – горячий воздух обдал его со всех сторон высушивая раствор. Когда он вышел одежда была влажной но чистой. От него больше не воняло.

Другой сотрудник – такой же безликий в защитном костюме – провел его в зал ожидания. Там уже сидело несколько человек. Дэвид выбрал место у окна и сел. Он смотрел на взлетную полосу где стояло несколько самолетов и – что привлекло его внимание – пара конвертопланов. Огромные машины с поворотными винтами в кольцевых кожухах выкрашенные в матово-черный цвет. Он видел такие только по телевизору в новостях о «Небуле». Они выглядели как хищные птицы присевшие отдохнуть на бетон.

Так прошло около часа. Потом его позвали.

Группа собралась у выхода на посадку – человек двадцать все британцы. Дэвид оглядел их и мысленно усмехнулся: корпорация явно набирала не по резюме. Старики с трясущимися руками. Мужчины и женщины средних лет но с бледными лицами и явными следами болезни – у одного не хватало половины волос у другой был платок повязанный на голову так что скрывал отсутствие бровей у третьего дрожали пальцы и он постоянно тер их друг о друга. Онкологические больные. Люди которым медицина дала отсрочку но не надежду. Расходный материал. Как и он сам.

Только несколько человек выделялись. Одна женщина лет сорока с короткой стрижкой и спокойным цепким взглядом держалась прямо и не выглядела больной. Двое мужчин – крепкие коротко стриженные с военной выправкой – стояли чуть поодаль переговариваясь вполголоса. Были и те кто просто сидел на скамье уставившись в одну точку – как и он сам.

Их провели на летное поле. Конвертоплан стоял прямо перед ними – огромный матово-черный с белой эмблемой «Небулы» на боку: стилизованная туманность закрученная в спираль. Винты в кольцевых кожухах уже медленно проворачивались издавая низкий вибрирующий гул от которого дрожала земля под ногами. Пахло нагретым металлом. Трап был опущен и люди по одному поднимались на борт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.